

В. В. Попов

ПЛЮРАЛИЗМ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБЪЕКТИВНОСТИ ПРАВА В КОНТЕКСТЕ СООТНОШЕНИЯ СИСТЕМЫ ПРАВА И СИСТЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В юридической науке существует множество подходов к пониманию объективности системы права, отличающихся от традиционной интерпретации. Социальный объективизм Э. Дюркгейма, Г. Спенсера, О. Конта и др. призван оправдать аксиологическую нейтральность метаязыка. Он отталкивается от относительной объективности позитивного права, что не позволяет считать данное право более объективным, чем законодательство. Объективность права рассматривалась М. Вебером в рационализации как законодательства, так и практического действия юридических норм и институтов, что не дает возможности различать систему права и систему законодательства. Объективность права как наличие в нем аксиологически наиболее приемлемого ответа (Р. Дворкин) равно как и вообще наличие такого ответа (Е. В. Булыгин) не позволяет различать право и законодательство по степени выражения свойств объективности. Возможность же сформулировать объективно истинное высказывание о системе права относится к метаязыку (науке), но не к объектному языку (праву).

Ключевые слова: система права, система законодательства, объективность системы права

V. V. Popov

PLURALISM OF INTERPRETING OBJECTIVITY OF LAW IN THE CONTEXT OF CORRELATION BETWEEN THE SYSTEM OF LAW AND THE SYSTEM OF LEGISLATION

In the legal science there exists a variety of approaches to understanding the law system's objectivity which differs from its traditional interpretation in the Russian legal science. Social objectivism by E. Durkheim, G. Spencer, O. Conte and others is meant to justify axiological neutrality of the meta-language and starts from relative objectivity of the positive law what doesn't make it possible to believe that the given law is more objective than legislation.

Weber considered objectivity of law in streamlining of both legislation and practical application of legal norms what doesn't make it possible to assume that the system of law is more objective than legislation. Objectivity of law as existence of the most appropriate axiological answer in it (R. Dworkin) as well as existence of such an answer in general (E. V. Bulygin) makes it impossible to distinguish law and legislation by the degree of expression of objectivity features. The opportunity to formulate an objectively true statement about the system of law belongs to the meta-language (the science), but not to the object language (the law).

Key words: the system of law, the system of legislation, objectivity of the system of law.

Рассматривая в предыдущих публикациях вопрос о соотношении системы права и системы законодательства, автор обратил внимание на методологические проблемы в использовании понятия «объективность» в традиционной для отечественной юридической науки интерпретации в целях различения системы права и системы законодательства [1].

Вместе с тем можно указать иные подходы к пониманию объективности применительно к праву как системе, отличающиеся от традиционной для отечественной юридической науки интерпретации. Прежде всего вслед за А. Мармором отметим, что необходимо различать четыре сферы проблем, в которых может быть затронут вопрос об объективности права: 1) идентификация права («Можем ли мы иметь объективно правильные или неправильные ответы на вопрос, что есть право в частном случае?»); 2) оценка права

(«Является ли право объективно правильным или неправильным, хорошим либо плохим?»); 3) функция права для решения конфликта интересов в споре о праве; 4) объективность правовой науки [2].

В размышлениях о плюралистичности толкования объективности в названных сферах обратим внимание на более широкий контекст подобного толкования — гуманитарные науки в целом. Одним из наиболее ярких примеров является социология Э. Дюркгейма, во многом методологически перекликающаяся с воззрениями О. Конта и Г. Спенсера. В ней говорится о социальном факте (который представляет собой, по сути, сознательно-волевое поведение субъекта) как об объективном явлении.

Так, в работе 1895 г. «Правила социологического метода» Э. Дюркгейм формулирует требования к социологии с той целью, чтобы ее вообще можно было бы считать наукой. К ним относятся,

например, рассмотрение социальных фактов как чего-то внешнего по отношению к индивидам — явлениям строго наблюдаемым, которые могут быть охарактеризованы как количественные безличные феномены. При этом в описании социальной действительности исследователь должен быть свободен от субъективных впечатлений и умозрительных рассуждений. Подобная методология призвана вести к картине мира, где источник социальных фактов будет пониматься как находящийся в обществе, но не в мышлении и поведении индивидов, а само общество в виде некоей автономной системы, управляемой собственными законами, а не сознанием или действием каждого его члена.

На наш взгляд, мысль о том, что исследователь может быть свободным от всех предрассудков и врожденных идей, ценностных суждений и идеологических установок, является спорной, как и реалистичность картины мира, в которой общество — это некая автономная система, управляемая своими собственными законами, а не сознанием или действием каждого его члена. Но, даже не вдаваясь в дискуссию по данным вопросам, нельзя не обратить внимания на один важный нюанс. Э. Дюркгейм обстоятельно описывает свое понимание объективности социального явления, прежде чем наделять его свойствами объективности. В частности, он рассматривает объективность в контексте деидеологизации научного знания, освобождения его от ценностной интерпретации. Иными словами, Э. Дюркгейм в большей степени ведет речь об объективности не столько в онтологическом и гносеологическом аспекте (так как проблематично отделить продукт сознательно-волевой деятельности от сознания и воли), сколько в аксиологическом, ценностном аспекте — освобождение исследователя от всех предрассудков и врожденных идей, ценностных суждений и идеологических установок. В этом заранее оговоренном контексте можно понимать, например, следующее выражение О. С. Иоффе: «Не следует смешивать волевое происхождение того или иного явления и его объективные качества» [3, с. 49].

Кроме того, если говорить о таком социальном феномене, как система права, наделять его свойствами объективности в оговоренном выше контексте, то становится очевидным еще один специфический «крен» в данном понимании объективности. Прежде всего здесь следует сказать о праве и системе права как об *объектах познания*, т. е. вновь обратиться к гносеологическому аспекту. Это объективность системы права как объекта научного познания (здесь гносеологический, познавательный аспект выступает как некий метаконтекст рассуждения, а

затем в рамках данного метаконтекста объективность понимается аксиологически). Иными словами, если наделять систему права свойствами объективности, то, скорее, в смысле освобождения от неких произвольных, субъективистских установок именно *исследователя права, но не законодателя*.

Можно сказать и так: Э. Дюркгейм ведет речь об объективности (в аксиологическом контексте как освобождении от ценностей, произвола и т. п.) не объектного языка (языка права как социального факта), но метаязыка (языка социальной науки, например, юриспруденции).

В контексте нашего рассуждения об особенностях системы права заметим, что в рамках понимания О. Контом, Г. Спенсером, Э. Дюркгеймом и их последователями объективности социальных явлений можно усмотреть основания считать систему права объективным явлением. Однако в этом случае и законодательство можно наделять всеми признаками социального факта согласно описанной выше методологии классического типа научности. Но из этого следует, что мера объективности системы права при этом ничуть не больше, чем у системы законодательства.

Таким образом, используя подобную методологию при рассмотрении системы права и системы законодательства, мы теряем основания разграничивать эти системы (право и законодательство) в связи с тем что система законодательства имеет (если такая терминология вообще приемлема) «меньшую меру объективности», даже если соглашаться с тем, что, например, «уголовная норма, включенная в кодифицированный акт гражданского права, так и останется нормой уголовного права» [4, с. 59].

Несколько отличное понимание объективности предложил М. Вебер. Его социология, признающая право инструментом социального управления, относила его к сфере волевого и человеческого, т. е. субъективного. Однако объективность права как системы рассматривалась М. Вебером в рационализации практического действия юридических норм и институтов [5, с. 60] в качестве результата замещения сознания иррационального, магического, метафизического сознанием рациональным.

В связи с этим нельзя не отметить два момента.

Во-первых, даже при соглашении с возрастанием рационализации (национальных) систем права нельзя не указать, что это же «мерило объективности» вполне применимо к (национальным) системам законодательства. Одного этого факта достаточно для того, чтобы признать, что мера объективности системы

права при этом ничуть не больше, чем у системы законодательства.

Во-вторых, отсутствуют основания считать решенным вопрос о рационализации системы права. Можно согласиться с тем, что на стадии создания законопроекта еще хорошо видны черты рациональной деятельности [6, с. 52]. Но вместе с тем необходимо принять и тот факт, что законодательство обладает не меньшей мерой объективности, чем система права. Однако если считать, что любая власть, в том числе власть, имеющая форму правовых велений, основывается на ее признании населением, нельзя не отметить важности такой стадии бытия права, как воплощение правовых предписаний в массовое социальное поведение, поскольку «принятие закона и даже его исполнение органами государственной власти еще не означает, что этот акт стал „живым“ правом» [7, с. 52].

При этом очевидно, что сфера массового поведения — сфера феноменов массовой психологии. Вслед за социальными психологами (Г. Тардом, Г. Лебоном, С. Московичи), философами и историками (С. Л. Франком, Л. П. Карсавиным, Х. Ортега-и-Гассетом, Ф. Хайеком, К. Поппером и др.) можно утверждать, что есть существенные проблемы с признанием поведения человека и человечества рациональным [7, с. 53]. Высказываются даже суждения о том, что «иррациональные элементы укоренены в самом существе и структуре права, норме и правоприменении» [8, с. 3—6], а потому «банальная ситуация юридических разногласий не плод недоразумений, но форма бытия юриспруденции» [9, с. 46].

Д. Бринк излагает точку зрения, согласно которой «понятие права может быть понято объективно настолько, насколько оно представлено в действительном либо гипотетическом споре как *обусловливающее единственно верный исход*» [9, с. 12]. Критикуя подобную позицию, Е. В. Булыгин отмечает, что понимание *верности* ответа, которое в подобном споре дает право, опирается на различие между *истинным* и *правильным* ответом. Различие же между истинностью и правильностью ответа подробно обосновал Р. Дворкин, опираясь на идею связи права и морали [10; 11]. Автор настоящей статьи солидаризуется с позицией Е. В. Булыгина в критическом анализе идей Р. Дворкина и его последователей, поскольку фактически в данном случае под *правильным* ответом понимается «хороший ответ» [12, с. 209].

Соглашаясь с тем, что «это очень странная идея объективности» [12, с. 210], мы добавили бы следующее. Исследователь допустимо может избрать специфическое понимание объективности при условии, что он делает оговорку относительно специфики своего понимания. Однако в

рассматриваемом случае под объективностью скрывается позитивная аксиологическая оценка, а любая оценка субъективна по определению. При этом объективность фактически толкуется в аксиологическом аспекте, причем так, что традиционный аксиологический смысл объективности (ценностная нейтральность) меняется именно на противоположный: объективен именно хороший («правильный») ответ. Научная целесообразность таких «новелл» в отношении столь фундаментальных категорий сомнительна. В связи с этим правильной представляется ссылка Е. В. Булыгина на Дж. Макки, когда последний утверждает, что «апелляцией к нормам морали в право привносится еще более субъективности», и Б. Лейтера, говорящего, что «если... кто-то думает, что судебное решение „объективно“ в том смысле, что там содержится объективно верный ответ на правовой спор, тогда может показаться плохой идея делать верные ответы зависимыми от моральных рассуждений, как это делает Дворкин» [12, с. 214].

Кроме того, если и находить объективность права как фактически, единственно верный (с точки зрения морали) вариант толкования законодательства, то в подобном контексте можно говорить о ничуть не меньшей объективности законодательства, поскольку мы имеем дело с единственным текстом (допускающим множественность вариантов толкования).

Е. В. Булыгин пишет, что «проблема объективности права может быть затронута как вопрос об условиях истинности нормативных предложений» [12, с. 207]. Ученый отмечает, что принимая три методологические предпосылки: метафизическую (истинностную) концепцию объективности, корреспондентскую теории истины Аристотеля-Тарского и недопустимость признания любых предписаний истинными или ложными, — мы не имеем оснований считать право объективным явлением. Однако Е. В. Булыгин утверждает, что те правовые предложения, которые могут быть названы *дескриптивными*, могут быть охарактеризованы как объективные [12, с. 206]. Условием признания их объективности будет позитивность правового ответа на соответствующую ситуацию: «Ответ позитивен тогда и только тогда, когда право определяет нормативный статус интересующего нас деяния, и негативен, когда оно не определяет его» [10, с. 208].

Как легко заметить, Е. В. Булыгин вслед за Г. Х. фон Вриггом совершенно верно определяет разницу между нормами и их описаниями (нормативными формулировками), т. е. между тем, что называется нормами *de re* (собственно нормы) и нормами *de dicto* (высказывания об этих нормах). Очевидно, что если

понимать систему права как совокупность норм *de re*, то нет оснований считать ее ни истинной (согласно классической, корреспондентской теории истины Аристотеля-Тарского), ни объективной (согласаясь с метафизической, истинностной концепцией объективности) [12, с. 205, 206].

Более того, если применять рассуждения Е. В. Булыгина к соотношению системы права и системы законодательства на основании того, в какой системе мера объективности больше, то из общего смысла теории нормативных правовых систем российско-аргентинского ученого следует, что объективной является скорее система законодательства (как совокупность нормативных предложений), нежели система права.

Вместе с тем Е. В. Булыгин различает высказывания о *праве* и деонтическом статусе деяния *соразмерному праву* [12, с. 211], т. е. говорит еще об одном аспекте объективности права при том же истинностном (называемом автором «метафизическом») понимании объективности. Это возможно даже при негативном правовом ответе (при *необъективном* ответе в аспекте высказывания о деонтическом статусе деяния *соразмерного праву*): «Система норм, которая не обуславливает деонтического статуса определенного деяния, может быть объективной в том смысле, что о ней можно сформулировать объективно истинное высказывание» [12, с. 211]. Очевидно, что в данном случае речь идет не столько об объективности права как *объектного языка* (языка норм права), сколько об объективности *метаязыка* (например, языка науки о праве). Из этого следует, что система законодательства может рассматриваться как ничуть не менее объективное явление, чем система права.

Примечательны высказывания Э. Паттаро по вопросу об объективности права. Разъясняя идеи скандинавского правового реализма относительно объективности права, итальянский ученый, используя, вслед за А. Хагерстромом онтологический аспект объективности, отметил следующее. Долженствование как таковое (что можно назвать также правовой нормой *de re*) — это псевдосуждение, а потому оно не может быть объективным [13, с. 223]. «Должное (Ought) является ограничением поведения, оно не может быть атрибутом поведения, его характеристикой; она также не может быть тем, что поведение есть, т. е. реальностью либо детерминантом этого поведения» [13, с. 225]. Другими словами, система права вообще не может быть названа объективной. Но при этом Э. Паттаро признает, что в силу определенных психолингвистических особенностей мышления людям свойственно заблуждаться, а потому «в общем люди осмысливают Должное как объективную

реальность, смутно понимая ее и веря в ее существование» [13, с. 226]. Иначе говоря, ученый рассуждает о том, что вопрос об объективности права — это, скорее, вопрос веры, нежели вопрос знания.

Из приведенного анализа плюрализма интерпретации объективности права (а, соответственно, и системы права) можно сделать два вполне определенных вывода.

Во-первых, при наделении права (системы права) свойствами объективности следует четко оговаривать, как именно понимается в данном случае объективность вообще. При этом полагаем, что нецелесообразно менять содержание одного и того же имени на фактически противоположное, особенно такая нецелесообразность представляется очевидной в отношении имен, несущих серьезную философско-методологическую нагрузку (имя «объективность»).

Во-вторых, ни право, ни система права в рассмотренных вариантах толкования объективности не являются чем-то более объективным, чем законодательство (система законодательства).

Список библиографических ссылок

1. Попов В. В., Астахова И. А. Система права и система законодательства: проблемы толкования объективности системы права // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 4. С. 16—20.
2. Marmor A. *Positive Law and Objective Values*. Oxford: Clarendon Press, 2001. 188 pp.
3. Иоффе О. С. Систематизация хозяйственного законодательства. М.: Юрид. лит., 1971.
4. Алексеев С. С. Структура советского права // Собр. соч. в 11 т. Т. 2. Специальные вопросы правоведения. М.: Статут, 2010. 495 с.
5. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М.: Норма; Инфра М, 2011. 800 с.
6. Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. 650 с.
7. Исаев И. А. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве: моногр. М.: Проспект, 2012. 368 с.
8. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. М.: Статут. 2008. 922 с.
9. Dworkin R. *Law's Empire*. Cambridge, Massachusetts, London, England: The Belknap Press of Harvard University Press, 1986. XIV. 471 p.
9. Brink D. O. *Legal Interpretation, Objectivity, and Morality // Objectivity in Law and Morals / edited by Brian Leiter*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 354 p.
10. Dworkin R. *Taking rights seriously*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1977. XV. 293 p.
11. Булыгин Е. В. К проблеме объективности права // *Філософія права: сучасні інтерпретації: вибр. праці: статті, аналіт. огляди, переклади (2003—2010) / С. І. Максимов*. Харків.: Право, 2010. 336 с.
12. Паттаро Э. Реалистский подход к объективности норм и права // *Філософія права: сучасні інтерпретації: вибр. праці: статті, аналіт. огляди, переклади (2003—2010) / С. І. Максимов*. Харків.: Право, 2010. 336 с.

© Попов В. В., 2017